

«СКОЛ ОТ ГРЕЦКОГО ОРЕХА...»

(Из беседы с Ольгой Мулявиной)

Открытка из Мехико. 1981 г.

Ольга Мулявина. 1980 г.

Как хорошо, когда у человека есть много родных по крови людей. И как прекрасно, когда для всех родственников был и будет один – он же главный – человек, та объединяющая личность, тот нерушимый столп, каковым является для большой мулявинской familia сам Владимир Георгиевич.

Тактичная и немногословная Ольга, дочь Мулявина от второго брака, очевидно, с генами переняла тихую отцовскую скромность в общении с собеседником, неторопливость речи, выразительность взгляда. Ей было непросто оторваться от годовалой дочурки Софии, чтобы прийти в редакцию и принести на нашу встречу огромную сумку с фотоматериалом, памятливыми медалями, отчеканенными в честь «Песняров», буклетами ансамбля и книгами наших известных писателей с автографами для Владимира Мулявина.

Итак, диктофон включен...

– Запомнился папа дружелюбным, можно сказать, «друженастроенным» человеком. Потому что всегда, когда я была уже взрослой, при встречах его лицо светилось улыбкой, заботой о близких людях. Его волновало, что происходит у нас в семье, он интересовался буквально всеми родственниками, всех помнил по именам и спрашивал, как их здоровье, работа, учеба. И, самое главное, он остается в моей памяти любящим отцом.

Мы жили вместе с папой где-то до моих пяти-шести лет, и, конечно же, в тот период я была для него «самой любимой, самой красивой дочкой на свете». И воспринималось это мной тогда именно так: мол, я будто для него единственная. Ибо в силу своего слишком юного возраста не могла осознать, что у меня есть еще где-то и старшая сестра Марина, и брат Володя... Теперь Марина, ее семья, еще один мой брат, Валерий, – настоящему близкие для меня люди.

Папу всегда интересовало, как я учусь в школе. А еще раньше он сам водил меня в садик. Кстати, и воспитатели, и учителя это очень хорошо помнят. Например, в переписке в соцсетях моя первая учительница припоминает, каким ярким впечатлением для них было то, что такой великий человек (а в те годы это был пик популярности «Песняров») приводил свою дочку в школу и они с ним запросто общались.

После расставания родителей мы с папой часто созванивались, разговаривали. Я делилась с ним какими-то моими проблемами, а он внимательно выслушивал меня. Да, больше выслушивал, а советы были скорее короткими, «направляющими»: «Ну, ты подумай, а может, лучше будет так-то и так...» Если сказать, что он тогда пытался влиять на меня, так нет — просто проявлял участие, ненавязчиво помогая. Я часто приходила к нему в филармонию повидаться, иногда — на концерты. Помню, как в детстве наведывалась в закулисье, и сегодня перед моими глазами эти вечные провода, о которые я постоянно спотыкалась. Папа даже разрешал мне, маленькой, во время репетиции выйти на сцену, проверить микрофон, в который я с удовольствием говорила «раз, два, три».

Когда отец увидел фотографии своего внука (Владику на них было уже годика два), то подчеркнул, что, мол, Влад — истинный славянин. И когда они впервые повстречались, повторил: «Славянин». Помню, когда папа сразу после аварии лежал в Институте травматологии, а потом и в лечкомиссии, мы с маленьким Владиком навещали его. Врачи предупредили, чтобы посетители приносили папе что-нибудь мягкое (так ему было бы легко жевать) и мы с сыном купили в тот раз детское печенье. Отец взял коробку, а потом передал внуку, будто гостинец, со словами: «Держи, Влад, это тебе...» Как бы плохо отцу ни было, он никог-

Встреча в Звездном городке. 1979 г.

о Светланой Слизской. 1977 г.

Оля (слева). 1978 г.

да этого не показывал: всегда встречал с улыбкой и старался абстрагироваться от проблем. И беседа со мной в данном случае протекала так, будто мы с отцом сели дома на кухне и пьем чай. Никаких разговоров о здоровье, никаких акцентов на болезнь — просто беседуем о житье-бытье. Но видно было, как ему тяжело. А когда я просила, мол, папа, давай я тебе то-то и то-то сделаю, честно говоря, он стеснялся и отказывался.

Моя детская память очень хорошо зафиксировала, как папа и мама учили меня в Сочи плавать. Я была на них всерьез обижена: они меня бросали в море и какое-то время не давали выбраться из него, пока не начну самостоятельно барахтаться, без их помощи. Помню и то, как с маминной сестрой из Гомеля, тетей Таней, ездили на папиной «Волге» в санаторий «Беларусь», останавливались и в санатории «Жемчужина», где был потом концерт «Песняров». Запомнился и случай, который мог стать для нас трагическим: мы на машине чуть не упали в обрыв. Папа был за рулем, но вдруг начался сильный дождь, и нам пришлось ехать по скользкому серпантину горных дорог. Машину из-за ливня начало неожиданно заносить, но отец успел затормозить, остановившись буквально в трех сантиметрах от обрыва. После этого он за руль не сел — дальше повел машину наш дядя Леня из Гомеля. А когда приехали на озеро Рица, то страшно сожалели, что потеряли там фотоаппарат со всеми отснятыми на отдыхе пленками.

Когда папа уезжал на гастроли, я его смиренно ждала. Он меня приучил к тому, что из всех городов и стран, где в тот или иной период бывали с концертами «Песняры», посылал лично для меня открытки и привозил подарки. Это всегда была либо игрушка, либо золотые сережки, либо красивое платьице. Любой его презент я с радостным нетерпением и особым детским предвкушением ждала, а потому, возможно, и легче переносила разлуку с папой. Но он всегда находил минутку, чтобы позвонить с гастролей. Раздается звонок межгорода: «Оля, я быстро...», — и папа рассказывает, где были, как выступали. Звонок мог прозвучать и довольно поздно, после концерта, но это было для меня очень приятно. И в последние его годы он обязательно звонил с гастролей... И все же мне больно сегодня, что мы с папой так и не поговорились вдоволь...

Зимушка-зима. Владимир Мулявин с дочкой Олей (справа).
1979 г.

Светлана Слизска. 1975 г.

Врезалось мне в память и то, как трепетно, с заботой относился ко мне барабанщик «Песняров» Александр Демешко. Он всегда старался развеселить, возившись со мной, даже кормил, когда отец пару раз брал меня и маму с собой на гастроли. Это уже потом мама некоторое время подрабатывала в ансамбле костюмером, а позже ее взяли в штат сотрудником, обслуживающим техническое оснащение ансамбля. Мама по образованию инженер-программист. А познакомились родители после концерта «Песняров»: они пришли поужинать в один и тот же ресторан. Но не сразу продолжили общаться, потом где-то пересекались, но знакомство было не настолько близким, чтобы о чем-то говорить. А далее случилось так, что через год, в 1975-м, они вновь встретились и поженились.

Папа всегда был в курсе моих жизненных событий и планов. Его, скажем, не так чтобы удивил мой выбор профессии, когда я поступила на финансово-экономический факультет Института современных знаний. Наоборот, он был рад. Когда-то он мне сказал: «Я не хочу, чтобы ты пошла по моим стопам». Он отдал меня в музыкальную школу по классу фортепиано. Занималась я и вокалом, но папа не хотел подобного для дочери. Я запомнила его слова: «Оля, это слишком тяжелый труд... Это постоянная публичность в личной жизни, хочешь или не хочешь, но это контакты с людьми – в том числе и плохими...» Вот так коротко и ясно охарактеризовал мою возможную перспективу, не желая ее для меня. Хотя папа не навязывал своего мнения, и, как бы я ни поступила тогда, он бы меня все равно поддержал. Когда я заканчивала институт, он предлагал мне помощь в трудоустройстве. Конечно же, у него было много знакомых, но мне не пришлось по этому вопросу обращаться к нему. Мне было просто неудобно это делать, так как я знала, что он не любил просить за своих родных. Да и получилось так, что я проходила практику в налоговой инспекции администрации одного из районов Минска, а после получения диплома там и осталась работать.

В Сочи. 1980 г.

Пластинки, которые слушал Владимир Мулявин.

Когда я выходила замуж в 1997 году, папа на моей свадьбе, к сожалению, не смог присутствовать, так как работал на концертах «Славянского базара в Витебске». Как он обрадовался, когда получил пригласительный билет на свадьбу и был очень за меня счастлив, позвонил, поздравил нас...

По жизни он был музыкантом. Я хорошо помню, как отец хвалил все приготовленные дома блюда, так как он постоянно был на гастролях. На кухонном столе остался след от того, каким способом папа колот грецкие орехи. Это он делал на столе, не подкладывая никакой дощечки, раскалывая орехи молотком. Я всегда боялась, чтобы он не стукнул им себе по пальцам. Вмятина от папиной привычки справляться подобным образом с грецкими орехами так и осталась на кухне. И каждый день она — перед глазами, напоминает мне об отце.

Дома у нас сохранилось множество сувениров из поездки в Москву на Олимпиаду-80. Как память о ней у меня стоит знаменитый во всем мире символ — олимпийский медведь, хранятся значки, разные папины подарки. А еще за год до Олимпиады состоялась незабываемая поездка в Звездный городок к космонавтам. Это было просто потрясающе, когда я, будучи ребенком, воочию увидела громадные космические сооружения! Нас водили на экскурсию по музейным залам, где на меня особое впечатление произвели причудливые скафандры и костюмы. В семейном альбоме хранится также фотоснимок, где мы с папой на встрече с космонавтом Петром Климуком.

Когда отец играл на гитаре, я, бывало, сидела у него на коленях, слушала. До сих пор стоит у нас дома и пианино, на котором он музицировал. Я пыталась нажимать в тот момент на клавиши, тоже сидя у него на коленях, а он мне помогал, мягко направляя рукой мои маленькие пальчики на нужную ноту. Музыка в доме звучала постоянно. Я помню такую картинку: папа

Ольга Мулявина с сыном Владиславом, дочерью Софией и мужем Олегом Гутаром. 2015 г.

сидит в глубокой задумчивости, дверь закрыта, в комнате накурено и лежат пачки сигарет «Космос». Он сидит, работает, а я ему мешаю, но папа терпит меня, не отправляя из своей «святой святых». В его кабинете было много литературы, разные сборники, антологии белорусских народных песен – «вясельных», обрядовых, баллад, – которыми он пользовался, изучая и анализируя источники. Я до сих пор нахожу его пометки на полях нот или текстов, которые папа изучал очень внимательно, и когда его посещала какая-то мысль, он обязательно брал карандаш. Именно тогда в сборниках появлялись какие-то галочки, подчеркивания, восклицательные знаки...

У нас дома есть множество пластинок, которые папа привозил из зарубежных поездок. Сегодня, перебирая их, понимаю, что он любил джазовые, блюзовые и рок-композиции в исполнении хороших музыкантов того времени. Сохранился и стереопроеигрыватель семидесятых годов, который я иногда включаю и слушаю «Александрыну» или «Калядачки». Последнюю песню люблю особенно, с самого раннего детства, – я всегда отплясывала под нее. Папины песни у меня всегда на слуху. Если они звучат по радио, то все: я уже стою как вкопанная и слушаю, держа на руках дочурку. Хочу, чтобы и она с детства начинала чувствовать свою причастность к мелодике родной земли, которую так сильно любил ее дедушка...